

“Он умер не так давно, Алёша Карпюк, неугомонный, беспокойный человек, чужак, настоящий Дон-Кихот, воевавший, однако, не с ветряными мельницами, а с партбонзами всех рангов и калибров. Не было ни одного собрания в Союзе писателей, на котором не выступил бы Карпюк и не “врезал” бы по первое число какому-нибудь освиневшему главначпуосу – партийному или литературному. Над Карпюком посмеивались, не принимали его всерьез: а, опять Карпюк руками машет, права качает! А вот те, у кого Алексей “качал права”, те, кому он не давал покоя, не считали его смешным, не посмеивались благодушно, слушая его нервные, страстные выступления. Они не только исключили его из партии, но и возвели на него злобную клевету: мол, никакой он не партизан Великой Отечественной, не организатор партизанского отряда, а самозванец, агент то ли СД, то ли абвера, что он не бежал из лагеря смерти Штуттгоф, а был отпущен специально для того, чтобы затем “пробраться” в партизаны. Но и этого им показалось мало: они пустили слух, что он вообще не был ни в лагере смерти, ни в партизанах, что он – миф, созданный им самим. И только тогда, когда подвели его к краю бездны, когда дали ему заглянуть в нее, заставили походить по кабинетам ЦК в поисках правды, когда вырвали у него признание, что он “ошибался и вел себя неправильно”, – смиловились. Но глаза его утратили свой живой блеск навсегда. После партийной “амнистии” это был уже совсем другой Карпюк – молчаливый, понурый, сломленный...

Кто заступился за него в то время? Разве что один Василь Быков. Но что он мог сделать, чем и как мог помочь, сам атакованный со всех сторон той же волчьей стаей, которая набросилась на его друга?”